

Часть I

ЛЮБОВЬ

(июнь—июль 1755 г.)

Глава 1

Игра в виселицу

С одной стороны над площадью возвышался крылатый лев, с другой — святой Теодор. Между ними неистовствовала толпа. В беспорядочном людском месиве едва различались отдельные лица: грязные и жалкие, искаженные гневной гримасой или злорадной усмешкой, с подведенными глазами и напудренными носами. Купцы, колодезники, трактирщики и парфюмеры, служанки и лакеи, продажные девки, богатые господа и дамы с белоснежной кожей, а рядом оборванцы, мясники и даже дети — все сегодня были равны, каждый не отрываясь следил за зловещей игрой, что разворачивалась у них на глазах.

Приговоренный стоял перед толпой на деревянном эшафоте. Кто-то потрясал в воздухе кулаками, иные бросали насмешки и проклятия. Крики кружащих в небе чаек звучали зловещим предзнаменованием. Птицы явно предвкушали сытный ужин из требухи и нечистот — то есть того, во что вот-вот превратится несчастный.

Осужденный человек в ужасе оглядывался вокруг, по грязному лицу текли слезы. У него за спиной,

в заливе Сан-Марко, скользили мрачные силуэты гондол, а справа, позади орущей толпы, виднелись белоснежные арки Дворца дождей.

Весеннее солнце, лениво освещавшее небо слабыми лучами, наконец окунулось в воды лагуны, превратив их в расплавленный янтарь. Приговоренный посмотрел в сторону: из железной миски рядом с ним торчали ржавые клещи, перепачканные кровью, а в красноватой жидкости плавали зубы — его зубы. Хотелось сплюнуть, однако разжать губы не получалось, а язык тем временем невольно и отчаянно скользил по отверстиям, что остались на месте вырванных клыков.

Страх наполнил его душу. Из груди рвался крик, но не хватало воздуха. Вместо него в легкие словно насыпали камней. Отчаянно пульсировал обрубок руки. Раздирающая боль волнами захлестывала плоть: от запястья до плеча и дальше по всему телу.

Когда ему отрезали руку, цирюльник при помощи стражников замотал то, что осталось, куском свиных кишок, чтобы он не умер от потери крови. Точнее говоря, не умер раньше времени.

Узел веревки давил чуть выше затылка, не позволяя ни на секунду забыть о том, что сейчас произойдет. Несчастный взглянул на государственных инквизиторов, молча наблюдавших за ним с трибуны, затянутой черной тканью: губы сжаты, в прищуренных глазах читается презрение.

Многочисленные фонари, факелы и свечи алыми язычками прорезали сгустившиеся сумерки, а на горизонте тем временем догорали последние лучи медного заката. Красный инквизитор одобрительно кивнул и взмахнул рукой. Палач начал крутить деревянное

колесо, к которому крепились веревка. Толпа разразилась ликующими криками.

Приговоренный слушал, как зловещий перестук деталей механизма отсчитывает последние секунды его жизни. Вережка натянулась. Несчастного оторвало от досок эшафота. Узел сдавил шею, ноги судорожно задергались. Пока мир перед глазами кружился в смертельном карнавале, он потянулся к веревке единственной уцелевшей рукой. Из горла вырвался глухой хрип. Замотанный обрубок второй руки бессмысленно мелькал в воздухе, будто живя собственной жизнью.

Вережка тянула вверх, а все его тело отчаянно извивалось, пытаясь вновь нащупать опору, коснуться ногами земли. Носки сапог отплясывали бешеный танец.

Приговоренный вздрогнул в предсмертных конвульсиях. В последний раз знакомый гнилостный запах вод лагуны наполнил его ноздри, но было уже слишком поздно. Венеция выжала из него жизнь до последней капли, а теперь бесстыдно любовалась мучительной агонией, жадно наблюдая, как душа покидает тело.

Наконец он неподвижно повис на веревке — бездыханный, с остекленевшими глазами. Повешенный на площади Святого Марка.

Глава 2

Возвращение в Венецию

Длинные иссиня-черные волосы падали ему на лицо непослушными блестящими прядями. Из-под них озорно посверкивали аквамариновые глаза, выдававшие незаурядный ум. На губах играла легкая улыбка. Удобно устроившись за грубым деревянным столом, он вертел в руках стеклянный стакан, из тех, что в Венеции называют «гото», будто размышлял, стоит ли пробовать золотистую мальвазию, которую ему только что налил хозяин.

Расположенный в районе Сан-Поло, неподалеку от Риальто, трактир — или, как говорят местные, «бакаро» — под названием «До Мори» точно не входил в число лучших заведений города, скорее наоборот: славой он пользовался весьма сомнительной, и заглядывали сюда в основном бездельники и искатели приключений самого низкого пошиба. Однако кое-чем похвастаться сей трактир все же мог: во-первых, он был самым старым в Венеции, а во-вторых, — всякий подтвердит — вино здесь подавали отменное. Завсегда и не променяли бы стаканчик вина в «До Мори» ни на что другое.

Было у заведения и еще одно уникальное преимущество: в свое время здесь предусмотрительно устроили два отдельных входа. Одна дверь вела в переулок До Мори, вторая — в переулок Галеацца. А поскольку Казанова был именно таким, каким был, два входа — а точнее говоря, два выхода — казались ему отличной идеей.

Пара деревянных бочек в качестве столов, несколько покосившихся стульев и длинная дубовая стойка составляли нехитрую обстановку, отлично подходившую к характеру хозяина. Звали последнего Марко Спинацци, и это был неприветливый здоровяк с засаленными волосами, как будто только что вылезший из камбуза пиратского корабля.

Тем вечером завсегдатаям «До Мори» было о чем посудачить, помимо достоинств вина или различных напастей, которые в последнее время то и дело обрушивались на Венецию, переживавшую непростой момент своей богатой событиями истории. Дело в том, что многие из посетителей были наслышаны о темно-волосом господине, сидевшем в углу, который наконец решился поднести к губам свой стакан. И если верить тому, что говорят, его возвращение не предвещало ничего хорошего.

В сторону таинственного брюнета бросалось немало любопытных взглядов. Он был одет в великолепный камзол красно-коричневого цвета, под которым виднелись элегантный жилет и рубашка с пышными рукавами, отделанная кружевом. Начищенные сапоги сверкали. Парика загадочный господин не носил, пышную гриву волос стягивала в хвост черная бархатная лента.

Авантюрист, любимец женщин, искусный фехтовальщик и знаток оккультных наук — этот человек чувствовал себя как рыба в воде среди дуэлей, пороков и обмана. Одно его имя сулило беды, и даже просто встретиться с ним взглядом могло быть смертельно опасно.

Если бы завсегдатаи трактира знали, что произойдет тем вечером, их бы тут же и след простыл. Но, конечно, все они оставались на своих местах, а в том, что случилось дальше, повинен только злой рок, а также единственное создание, что могло бы потягаться с самой судьбой в умении приносить несчастья. Создание это было молодой женщиной, кстати говоря, невероятно привлекательной.

Ее появление в трактире произвело эффект, подобный внезапно налетевшему урагану. Красота незнакомки настолько бросалась в глаза, что казалась своего рода дерзостью, вызовом всем вокруг. Ее изумрудное платье выигрышно оттеняло великолепные каштановые волосы с шоколадным отливом, собранные в искусную и вместе с тем совсем простую прическу. Чувственные алые губы изгибались в легкой улыбке, а взгляд светился живым умом и хитростью. Все это вместе делало ее совершенно неотразимой.

Хозяин трактира незаметно закатил глаза к потолку, предчувствуя неминуемую беду. И оказался совершенно прав.

Один из завсегдатаев, высокомерного вида господин в белоснежном парике, уже не первый час

выпивавший с парой товарищей, нарушил воцарившуюся было благоговейную тишину.

— Ого, значит, не только всякие сопляки и бездельники заглядывают к тебе в трактир, а, Марко? — воскликнул он, подмигивая хозяину, который благо-разумно воздержался от ответа.

В полной тишине нахал продолжил:

— Моя госпожа, я кавалер¹ Андреа Дзанон и с этого момента ваш покорный слуга. Любое ваше желание будет исполнено, только попросите.

Незнакомка коротко взглянула на него, будто именно такого приветствия она и ожидала, затем молча обвела зал внимательным взглядом своих лучистых серых глаз и только потом ответила:

— Уважаемый кавалер, меня зовут Гретхен Фасснауэр, я служу графине Маргарет фон Штайнберг. Госпожа послала меня сюда за одним человеком, с которым хотела бы встретиться.

Голос у красавицы оказался томным и низким. Она отлично говорила по-итальянски с легким австрийским акцентом. Дзанон нервно кашлянул и двинулся к ней, старательно выпячивая грудь.

— Как интересно, — усмехнулся он. — В таком случае, если позволите дать вам совет, то я бы предложил поискать этого человека вместе. Улицы Венеции — настоящий лабиринт, и благородная дама, не знакомая с городом, рискует заблудиться без проводника.

Несмотря на то что кавалер изо всех сил старался предстать благородным рыцарем, в последней фразе явно прозвучал грязный намек. Впрочем, Гретхен,

¹ Мелкий дворянин без титула. — *Здесь и далее примеч. пер.*

похоже, не придавала этому значения и лишь вежливо улыбнулась.

— Благодарю вас, но я отлично знаю, где искать, — с легкой усмешкой ответила она.

Дзанон сделал вид, что не услышал, и развязной походкой приблизился к ней.

Посетители трактира затаили дыхание, все еще пораженные невероятным появлением Гретхен. Когда такое бывало, чтобы в «До Мори» заглянула благородная дама! Да еще и иностранка! Однако вопреки всем правилам хорошего тона и здравого смысла именно это и произошло прямо у них на глазах. Теперь все с нетерпением ждали, чем же закончится необыкновенное происшествие: своими грубоватыми ухаживаниями кавалер Дзанон как будто выражал желание, охватившее каждого в этом зале.

Единственным, кто остался безучастен к разворачивающейся сцене, был незнакомец с длинными черными волосами. Он неторопливо допивал свою мальвазию, смакуя каждый глоток и явно наслаждаясь вкусом хорошего вина. Лишь его губы слегка изогнулись в усмешке.

— Ну же, не томите, — продолжал тем временем Дзанон. — Расскажите, кто тот счастливец, которого удостоили своим вниманием вы и уважаемая графиня?

В его голосе по-прежнему слышалась насмешка, смешанная с плохо скрываемым нетерпением. Внезапно кавалер грубо схватил своей здоровенной и уже плохо слушающейся рукой изящные пальцы Гретхен. Он опустил на колено, прижался губами к бело-снежной коже и оставался в этом положении гораздо дольше, чем позволяют правила приличия.

Красавица уже не улыбалась. Она попыталась отдернуть руку, но не смогла: Дзанон крепко сжал ее запястье. Ей стало больно.

— Ну что, друзья мои, — сказал кавалер, обращаясь к своим двум приятелям. — Сопроводим очаровательную даму на прогулку по переулкам Венеции?

Те в ответ разразились пьяным хохотом.

Гретхен раздраженно воскликнула:

— Отпустите меня! Я ищу синьора Джакомо Казанову, а не вас! И я точно знаю, что он здесь.

Дзанон словно окаменел. Это имя было ему знакомо и явно относилось к тем, которые лучше не поминать лишней раз.

Именно в этот момент господин с длинными черными волосами отставил в сторону стакан и поднялся из-за стола. Насмешливо улыбаясь, он подошел к Дзанону.

— Синьор, советую вам немедленно отпустить руку дамы.

Дзанон не верил собственным ушам. Что это за хлыщ вздумал им командовать?

— А что будет, если не отпущу?

— Увидите.

— Я к вашим услу...

Закончить фразу нахалу не удалось. Незнакомец подошел вплотную и отвесил ему звонкую пощечину. Удар руки в перчатке обжег кожу, будто кнут, голова Дзанона дернулась назад.

Прежде чем он успел сообразить, что происходит, кулак незнакомца точным ударом поразил его прямо в печень, заставив согнуться пополам. Во рту возник горький привкус желчи. Кавалер еще смотрел на сверкающие носки сапог своего противника,

как тот уже схватил его за горло и ударил головой об одну из дубовых бочек, свалив все, что на ней стояло. Стаканы, кувшины и бутылки полетели на пол, усеяв все вокруг осколками стекла и глиняными черепками.

Изо рта Дзанона потекла струйка слюны, левая рука бессмысленно хватала воздух. Наконец он сполз по бочке на пол, перемазав белоснежную рубашку собственной кровью, которая оставила на досках широкий липкий след.

Черноволосый незнакомец улыбнулся и согнулся в изящном поклоне.

— Джакомо Казанова к вашим услугам, моя госпожа, — сказал он, проникновенно глядя в серожемчужные глаза Гретхен.

Девушка прижала руку к губам, сдерживая возглас изумления. Тем временем двое приятелей поверженного Дзанона грузно поднялись со своих мест. Похоже, назревало продолжение драки. Марко Спинацци понял, что нельзя терять ни минуты, иначе его трактир разнесут окончательно. Промедление в таких случаях смерти подобно.

— Господа, прошу вас, выясняйте отношения на улице! — воскликнул он.

Но было уже поздно. Один из приятелей Дзанона разбил бутылку о край стойки и теперь сжимал ее горлышко, будто остро наточенный нож. Второй выхватил трость, которая оказалась с секретом: полый чехол полетел на пол, открывая взглядам собравшихся сверкающее лезвие клинка. Оба стали наступать на противника, скрежеща зубами, будто хищники, завидевшие добычу.

Джакомо Казанова, однако, и бровью не повел.

— Прошу вас извинить меня, — с учтивой улыбкой сказал он Гретхен, а затем двинулся навстречу собутыльникам поверженного кавалера, на ходу схватив импровизированное оружие: в правой руке он зажал глиняный кувшин, в левой — острую вилку.

Глава 3

Государственный инквизитор

Дворец дожей на площади Святого Марка служил воплощением всех основ, альфы и омеги политической жизни Венеции. Здесь чеканный язык порядка и правосудия сливался воедино со змеиным наречием шпионов и соглядатаев — тех, кто готов на все, лишь бы взобраться по скользким ступеням карьерной лестницы или добиться определенных привилегий. Двуличность государственного устройства, в котором в теории царили идеалы справедливости, а в реальности процветали продажность и взяточничество, казалось, проявлялась в размытых тенях на стенах дворца по вечерам, когда факелы и фонари зажигались в зловещей темноте, будто огни преисподней.

Крылатый лев на колонне Святого Марка зорко глядел вдаль, словно верный страж, а пляшущие языки пламени вели свою бесконечную игру света и тени на массивных колоннах и изящных арках дворца, добавляя таинственности узорам из белого и красного мрамора на фасаде. Ажурные зубцы стремились ввысь, украшая две основные стены здания,

одна из которых была обращена к площади Святого Марка, другая — к причалу.

В полном одиночестве, в скромной обстановке кабинета государственных инквизиторов Венеции² на третьем этаже дворца, Пьетро Гардзони дописывал письмо. С идеально прямой спиной он чинно восседал на резном деревянном кресле, опираясь локтями о резной письменный стол. Серебристый напудренный парик и черный камзол с золотистой отделкой делали его похожим на гробовщика, а в цепком взгляде прищуренных глаз и плотно сжатых губах читались непреклонный характер и железная сила воли.

В комнате стоял запах свечного воска, а слабый огонек лишь частично освещал мрачную и строгую обстановку и стены, отделанные панелями из темного дерева.

Государственный инквизитор поставил свою подпись под письмом, написанным мелким неровным почерком. Дожидаясь, пока высохнут чернила, он подул на листок, а потом и потряс его в воздухе, чтобы ускорить дело. Наконец, Гардзони убрал письмо в конверт, взял свечу и начал плавить сургуч. Густая красная капля упала на бумагу. Инквизитор приложил печать, устало вздохнул и взмахом руки отодвинул конверт, послушно скользнувший по лакированному дереву столешницы.

В окне за спиной виднелся сад, на небе загорались первые звезды. Гардзони раздраженно побарабанил пальцами по столу, а потом потянулся к колокольчику

² Государственные инквизиторы — судебный орган в Венецианской республике, следивший за политической ситуацией в стране и входивший в состав Совета десяти. Инквизиторов было трое, один назывался «красным», двое других — «черными».

и зазвонил изо всех сил. Через пару секунд в дверях появился его личный слуга. Инквизитор показал на конверт, юноша взял его, но не ушел, а замялся на месте.

— Чего тебе? — недовольно процедил Гардзони.

— Ваше сиятельство, — пробормотал тот слабым голосом, еле слышно, — тут человек пришел, вас спрашивает. Говорит, его зовут Дзаго и у него для вас срочное сообщение.

«Ну кто же еще, конечно он, и наверняка опять с дурными вестями», — со вздохом подумал инквизитор.

Впрочем, несмотря на свои недостатки, Дзаго был одним из его самых надежных людей.

— Так пусть заходит, — сказал Гардзони. — Чего ты ждешь? — он с досадой махнул рукой на слугу, будто желая, чтобы тот исчез с глаз как можно скорее.

Юноша попятился, беспрестанно сгибаясь в поклонах и бормоча «ваше сиятельство». Наконец он вышел и закрыл дверь.

Гардзони ослабил воротник и закрыл лицо руками, позволив себе на мгновение насладиться тишиной. Если уж Дзаго решил навестить его, явно случилось что-то важное.

В дверь постучали.

— Войдите, — громко сказал инквизитор.

На пороге появился Дзаго. Это был мужчина поразительно неприятной наружности. Его длинные светлые волосы так лоснились от грязи, что больше всего походили на мокрый стог сена. Выбившаяся из хвоста сальная прядь спускалась вдоль лица на плечо, ниже замызганного воротника, будто мышинный хвост. Злые глаза пронзительного голубого цвета, тонкий

нос и рот, полный черных гнилых зубов, довершали картину.

Гардзони пришлось призвать на помощь все свое самообладание, чтобы выдержать это отвратительное зрелище. От вида Дзаго его замутило, но инквизитор усилием воли подавил тошноту и приказал себе сохранять спокойствие: несмотря на ужасный вид, этот болван стоил любых сокровищ.

— Итак, Дзаго... — заговорил Гардзони. — Какие вести ты мне принес?

Его собеседник, казалось, задумался на мгновение, неторопливо почесал щеку цвета скисшего молока, а потом нехотя, словно через силу ответил:

— Плохие.

Государственный инквизитор поднял глаза к потолку, надеясь, что это поможет ему не терять самообладания. Его взгляд невольно задержался на великолепной картине над головой — «Возвращении блудного сына» Тинторетто. Зелень сада в отдалении, счастливые лица, объятия отца и сына — уникальный шедевр в золоченой восьмиугольной раме полностью захватил Гардзони, но лишь на мгновение: даже невероятная красота полотна не могла смягчить то неприятное предчувствие, что витало в воздухе с момента появления Дзаго.

Инквизитор вновь взглянул на своего безобразного осведомителя.

— Так говори же, — поторопил он его.

— Ваше сиятельство будут недовольны, — продолжал Дзаго, по-прежнему ничего толком не объясняя.

Внутри у Гардзони все клокотало от нетерпения и ярости.

— Ну что такое ужасное могло случиться? Думаешь, ты способен меня удивить? После всех печальных новостей, что я получил за последнее время? — выпалив все эти вопросы, инквизитор перевел дух и стал методично перечислять заботы, что тревожили его сердце: — Австрия и Франция, по всей видимости, скоро заключат новый союз: граф Кауниц прилагает все усилия, чтобы поссорить Людовика Пятнадцатого с Фридрихом Вторым. Тем временем Россия и Англия собираются подписать договор, а Пруссия еще не решила, как поступить. Наше положение крайне опасно, дорогой мой Дзаго. Мария Терезия Австрийская нацелилась на Силезию, хочет присоединить ее к своей и без того огромной империи, а Венеция будет изо всех сил стараться сохранить нейтралитет, потому что не готова противостоять ни одной из сторон. Да и что ей остается! Никакой пользы участие в войне нам не принесет. Не будь я Пьетро Гардзони, если не верно то, что сила Венеции не в оружии, а в умении вести переговоры. Но, собственно говоря, тебе нет никакого дела до всего этого, правда? Ты мой злой гений и помогаешь мне, оставаясь в тени.

Инквизитор ненадолго умолк, но потом продолжил снова: ему хотелось выговориться, а заодно и убедиться, что Дзаго не принес никаких вестей, более печальных, чем то, что уже беспокоило его.

— Тяжелые времена настали, дорогой Дзаго. Дож Франческо Лоредан — человек слабый, заурядный, ему не хватает знаний, а еще больше — умения принимать решения. А теперь, как назло, болезнь приковала его к постели, так что любые клеветники и предатели могут безнаказанно насмеяться над ним. Так скажи мне, неужели твои вести хуже, чем все это?